

'ПОМИНКИ' ТЮТЧЕВА:
РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНТЕКСТА
(TIUTCHEV'S TOMINKI:
A RECONSTRUCTION OF THE CONTEXT)

БОРИС ОРЕХОВ
(BORIS OREKHOV)

Abstract

In this paper the author investigates Tiutchev's Tominki', a translation of Schiller's 'Das Siegesfest'. The date of writing is uncertain and factors are considered that could narrow it down. The literary and political contexts of Tiutchev's Tominki' are outlined. They comprise Zhukovskii's earlier translation of Schiller's poem, which, perhaps, Tiutchev sought to emulate, and also Zhukovskii's translation of the *Odyssey*. All of this is considered against the background of the events in Europe in 1848-1849 and their repercussions in Russia.

Keywords: *Tiutchev; Schiller; Zhukovskii*

Перевод стихотворения Шиллера 'Das Siegesfest' ('Победное празднество', у Тютчева - 'Поминки') в творчестве Тютчева занимает довольно любопытное место. Во второй половине творческого пути ("3-й период" по Ю. М. Лотману)¹ Тютчев все реже обращается к переводам. Общий объем переводческого наследия Тютчева - 45 произведений (примерно девятая часть всего корпуса поэтических текстов). Из них абсолютное большинство - тридцать пять - приходится на 1820-1830-е годы (еще

один перевод осуществлен Тютчевым в 1818 году). И только девять умещаются в хронологический промежуток 1850-1870-е (в 1840-х Тютчев не переводит и вообще почти не пишет стихов). И это при ощутимо лучшей сохранности документов и текстов в 1850-1860-х гг. Известно, что в 1830-х Тютчев перевел всю вторую часть *Фауста*, которую, по собственному признанию, сжег. Таким образом "удельный вес" для Тютчева каждого перевода в 1850-е гг. (из общего числа шести) существенно возрастает и заставляет каждый раз отдельно рассматривать вопрос о мотивах поэта, принявшего решение воспроизвести тот или иной текст на русском языке.

Одним из этих шести переводов, созданных Тютчевым после длительного периода творческого затишья в 1840-х годах, был перевод 'Das Siegesfest'. Тютчев переводит пять стихотворений Шиллера и из них три (ровно половина переведенного в это время и большая часть переводов из Шиллера вообще) именно в 1850-е годы: 'Поминки', "С временщиком фортуна в споре...", "С озера веет прохлада и нега...".

Определенное влияние Шиллера Тютчев испытывал на протяжении всей жизни: можно отметить переключки стихотворения 'Фонтан' (первая половина 1830-х) с прозаическим отрывком Шиллера 'Der Geisterseher' и стихотворение 'Колумб' как вариацию на тему завершающего пассажа текста 'Columbus' (1844). Итак, несмотря на то, что Шиллер воспринимался, в основном, как "поэт юношества", Тютчев определенно находился под впечатлением от него и в зрелые годы.

Едва ли не все русские поэты, прозаики и критики разных направлений, родившиеся в десятых годах XIX века, пережили в юности свой "шиллеровский период" (как определил это состояние А. Герцен в первой части "Былого и дум"). Это относится, помимо Герцена, к Н. П. Огареву и И. С. Тургеневу, к Ф. И. Тютчеву.

Здесь необходимо сделать оговорку, что во-первых Тютчев родился не в десятых годах XIX века, а в 1803 г., и во-вторых, его "юношеский" "шиллеровский период" длился с 1822 (перевод 'Гектор и Андромаха') по 1857 (перевод "С временщиком фортуна в споре...").

Напротив, к другим часто переводимым Тютчевым авторам поэт обращается именно в 1820-1830-е гг. Из десяти переводов и переложений Гейне только один текст создан в 1868-1869 году: 'Мотив Гейне', вариация на тему 'Путевых картин'. Из пятнадцати переводов Гете лишь два сделаны после 1830-х годов: "Ты знаешь край, где мирт и лавр растет..." (не позднее 1851 г.) и "Радость и горе в живом упоенье..." (февраль 1870 г.).

Из Шиллера Тютчев выбирает стихотворение на античную тему. Хотя датировка 'Поминок' условна, так же, как и датировки еще трех "античных" стихотворений Тютчева этого периода ("Кончен пир, умолкли хоры...", 'Два голоса' и 'Рим ночью'), однако все четыре даты указывают на самый конец 1840-х-начало 1850-х гг. Это обращает нас к выводу об особой значимости этого момента в истории рецепции античности у Тютчева. 'Поминки' не могли быть написаны позднее февраля 1851 года, так как 4 февраля 1851 года датировано цензурное разрешение на выпуск литературного сборника *Раут*, где состоялась первая публикация перевода.³ Это все же не мешает отнести создание текста и к несколько более раннему времени: к 1850 или даже 1849 году. Обычно текстологи максимально приближают дату создания текста к моменту публикации, основываясь на предваряющих печатный вариант стихотворения словах Н. В. Сушкова о том, что это "новый перевод" песни Шиллера. Однако как нам представляется, слово "новый" в данном контексте следует понимать не только и даже не столько в смысле абсолютной хронологии (то есть "недавний", "созданный в последнее время"), сколько в относительном плане времени. Имеется в виду, что перевод Тютчева более новый по сравнению с аналогичной работой В. А. Жуковского, уже переводившего 'Das Siegesfest' за двадцать лет до этого: 'Торжество победителей' (1829).

Беглый лингвистический анализ показывает, что перевод Жуковского гораздо архаичнее по языку, чем тютчевский. Во-первых, в переводе 1828 года гораздо больше причастий (28 против 12 у Тютчева - почти в два раза). Причастия были свойственны церковнославянскому языку и практически отсутствовали в русском разговорном, вследствие чего позже даже состоялась дискуссия об их включении в национальный литературный язык.⁴ Во-вторых, в 'Торжестве победителей' обнаруживается передача греческого имени "Посидон" в соответствии с рейхлиновым чтением греческого текста - при эразмовом "Посейдон" у Тютчева. В русской культуре рейхлинова традиция ощутимо архаична (например, *Омир, вивлиофика*). В-третьих, текст Жуковского изобилует усеченными прилагательными и причастиями: Будем *вечны* именами, Слава дней твоих *нетленна*, И победой *насыщенны* и т. д. Два других перевода (А. Мансурова в 1823 г. и М. Писарева в 1828) сделаны еще раньше перевода Жуковского и носят еще больше черт архаизации.

Таким образом, к 1851 году перевод Жуковского воспринимался как архаичный, а тютчевский текст по сравнению с ним был "новым" независимо от времени, прошедшего от момента написания до публикации и независимо от желания Тютчева перевести Шиллера в большей степени современным слогом. Из этого *впечатления* новизны и родилось определение "новый перевод", легшее в основу имеющейся датировки.

Итак, 'Das Siegesfest' переводится Тютчевым в конце 1840-х-1850-м году, то есть, по всей видимости, одновременно с созданием таких стихотворений, как "Кончен пир, умолкли хоры...", 'Два голоса' и 'Рим ночью', в которых античная тема творчества поэта становится центральной. Это момент особой актуализации античной темы в сознании Тютчева.

Стихотворение Шиллера само строится на античных образах. Однако вызывает недоумение повторяемый из издания в издание комментарий к этому переводу: "Хоровая песнь Шиллера 'Das Siegesfest' написана на сюжет *Илиады* Гомера."⁵ "Хоровая песнь Шиллера была написана на сюжет *Илиады* и связана с темой возвращения воинов греческого племени ахейян на родину после длившейся около десяти лет и завершившейся для них победой осады Трои"⁶ и т. д. Эти комментарии не соответствуют действительности. Как видно уже из самого названия, в стихотворении речь идет о победе ахейцев и их праздновании взятия Трои. Но в *Илиаде* этого нет: поэма описывает события, произошедшие гораздо раньше падения Илиона. В сюжетном отношении 'Das Siegesfest' гораздо ближе стоит к *Одиссее* и отчасти к *Энеиде*, чем к весьма далекой от этого стихотворения *Илиаде*. Точкой отсчета для обоих произведений служит момент гибели и разграбления Илиона, который в *Илиаде* не представим.

Первая строфа 'Das Siegesfest' является вариацией на тему эпизода в III песне *Одиссеи*:

Und die Griechen, siegestrunken,
Reich beladen mit dem Raub,
Saßen auf den hohen Schiffen,
Langs des Hellespontos Strand,
Auf der frohen Fahrt begriffen
Nach dem schonen Griechenland.

(И греки, пьяны победой, нагружены обильной добычей, на высоких кораблях, вдоль берегов Геллеспонта отправились в радостный путь в прекрасную Грецию.)

Ср.:

(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.
Но половина другая ахейян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
(*Od.*, III, 154-158)⁷

В 'Das Siegesfest' содержится множество намеков на возвращение героев в Грецию и то, что их там ожидает. Судьба многих воинов нам известна по III песне *Одиссеи* (ст. 186-328). Так, слова Одиссея о вероятной гибели не на поле боя, а у домашнего алтаря, имеют в виду широко известный финал судьбы Агамемнона:

Alle nicht, die wieder kehren,
Mogen sich des Heimzugs freun,
An den hauslichen Altaren
Kann der Mord bereitet sein.
Mancher fiel durch Freundestücke,
Den die blut'ge Schlacht verfehlt!
Sprach's Ulyfi mit Warnungsblicke,
Von Athenens Geist beseelt.

(Не все, кто вернутся, будут рады своему возвращению: и на домашнем алтаре может готовиться убийство. Кое-кто погиб из-за козней друзей, хотя и выжил [до того] в битве. Так по вдохновению Афины говорил Улисс, грозно [букв, "предупреждающе"] глядя.)

Ср.:

Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.

О трагической судьбе Агамемнона в *Одиссее* вспоминают в III, 193-200; IV, 521-537; XI, 387-434. Разумеется, сюжет о гибели у домашнего очага уцелевшего в бою воина (прежде всего, Агамемнона), отсутствует в *Илиаде*, зато имеет особую значимость для *Одиссеи*, всецело построенной вокруг темы послевоенного возвращения.

Определяющая для последующих стихов оппозиция верной и неверной жены является одной из концептуальных оппозиций *Одиссеи*, в которой Пенелопа последовательно противопоставляется Клитемнестре.

Снова обретший Елену Менелай ("Und des frisch erkampften Weibes / Freut sich der Atrid und strickt / Um den Reiz des schonen Leibes / Seine Arme hochbeglückt" [и, радуясь только что вновь завоеванной жене, счастливый Атрид обвивает руками ее прекрасный стан]) описывается в IV песне *Одиссеи* (Od. IV, 1-624). О судьбе Неоптолема ("Dem Erzeuger jetzt, dem groBen, / GieBt Neoptolem des Weins" ["родителю, ве-

ликому совершает возлияние вином Неоптолем]) повествуется в XI песне *Одиссеи* (506-537).

Таким образом, сопоставление в сюжетном смысле стихотворения 'Das Siegesfest' с *Илиадой* выглядит неоправданным. Зато *Одиссея* предстает весьма уместным текстуальным источником.

В связи с этим не выглядит фантастическим предположение, что обращение Тютчева к 'Das Siegesfest' инспирировано законченным и опубликованным примерно тогда же (1849) переводом на русский язык близкой по тематике к 'Das Siegesfest' *Одиссеи*. Эта монументальная переводческая работа В. А. Жуковского должна была напомнить Тютчеву о 'Торжестве победителей' - переводе 'Das Siegesfest', выполненном тем же В. А. Жуковским двадцатью годами ранее.

Известно, что Тютчев ознакомился с текстом *Одиссеи* В. А. Жуковского до публикации. Более того, он проявляет серьезный интерес к этой работе еще до ее окончания. В письме Хомякову от 12/24 сентября 1847 г. Жуковский сообщает о Тютчеве: "Он приехал в Эмс нарочно для меня и для Одиссеи, прожил там до моего отъезда, заставил меня прочесть ему всю Одиссею."⁸ Действительно, осуществляя курьерскую экспедицию в Германию летом 1847 года, Тютчев специально заезжает к Жуковскому в Эмс, чтобы ознакомиться с переведенными к тому времени частями поэмы Гомера. Позже Жуковский с большой теплотой вспоминал об этом опыте общения с Тютчевым:

"Мне кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое создание: ее оставляю на память обо мне отечеству." Труд был совершен с полным самоотвержением, для одной прелести труда; только не с кем было поделиться "своим поэтическим праздником": лишь гипсовый бюст Гомера был немым свидетелем. "Бывало, однако, и для меня раздолье, когда со мною жил Гоголь: он подливал в мой огонек свое свежее масло; и еще когда я пожил в Эмсе с Хомяковым и моим милым Тютчевым: тут я сам полакомился вместе с ними своим стряпаньем.

Академик А. Н. Веселовский замечает: "Любопытно было бы знать, как приглянулся тогда перевод Одиссеи Хомякову и Тютчеву."¹⁰ На сегодняшний день мнение Тютчева о переводе Жуковского нам известно. В письме жене от 17/29 августа 1847 года Тютчев пишет:

Я прежде всего провел приятные минуты с Жуковским в Эмсе, где мы вместе провели шесть дней за чтением его *Одиссеи* и за разговорами обо всем на свете с утра до вечера... Его *Одиссея* будет действительно величественным и прекрасным творением, и ему я обязан возвращением давно дремавшей во мне способности

полного и чистосердечного приобщения к чисто литературному наслаждению. Он тоже казался очень довольным той симпатией, которую вызвал во мне его труд, - и он был прав, потому что моя симпатия искренна.

Итак, чтение *Одиссеи* возвращает Тютчеву чисто литературное наслаждение ("jouissance purement litteraire"), которое в нем довольно долго дремало ("assoupie depuis bien longtemps").

Действительно поэтическая активность Тютчева в 1840-е годы необычайно низка. Как пишет В. В. Кожин:

С 1840 по 1848 год Тютчев написал всего восемь стихотворений, притом большую часть из них составляли своего рода политические стихи, непосредственно примыкавшие к статьям (послания Ганке, Мицкевичу, Варнгагену фон Энзе, 'Море и утес' и др.). Решительный перелом наступает летом 1849 года (Тютчев написал тогда двенадцать стихотворений, а в следующем году - девятнадцать; для него это очень много).

То есть к тому моменту, когда Тютчев говорит об уснувшей способности получать литературное наслаждение, "прошло уже три года с тех пор, как Тютчев написал последние поэтические строки".¹³

Основываясь на личном признании и хронологически соотнесенных фактах, мы склонны связывать возвращение Тютчева к активной поэтической деятельности с его впечатлением от *Одиссеи* Жуковского: одновременно с выходом в свет полного издания этого перевода (1849) в творчестве Тютчева начинается новый подъем. Перевод из Шиллера в этом контексте мог стать своеобразной "пробой пера", апробацией сил в форме поэтического состязания с В. А. Жуковским.

Прецедент такого состязания уже имел место в рассматриваемый нами период. В сентябре 1848 года

Тютчев, П. А. Вяземский и П. А. Плетнев знакомятся с недавно полученным стихотворением В. А. Жуковского 'К русскому великану'. Находят неудачным последнее четверостишие [...] Тютчев приносит П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу девятистишие "Стой же ты, утес могучий...". Кроме того, он предлагает свою редакцию строк стихотворения Жуковского:

И летучие их брызги
О гранит твой разразит.

Все трое решают печатать стихотворение Жуковского с правкой Тютчева.

Таким образом, Тютчев уже в 1848 году предпринимает поэтическое состязание с Жуковским, 'улучшая' его текст и создавая своеобразное продолжение-перекличку.' Как мы уже указывали, текстологические аргументы не мешают отнести перевод 'Das Siegesfest' ни к 1849, ни к 1848 году.

Известно, что в конце 1840-х годов Тютчев занят осмыслением политической ситуации, складывающейся в Европе. В это время он создает свои главные политические статьи и делает наброски для незаконченного трактата 'Россия и Запад'. Изложенные в публицистической форме размышления были инспирированы революционными волнениями 1848 года: 12 января начинается революция в Италии, 22 февраля во Франции, 27 февраля в Германии, 13 и 15 марта - в Австрии и Венгрии. Тютчев относится к революции резко негативно. В первом же абзаце продиктованной 12 апреля статьи 'La Russie et la Revolution' подчеркивается, что этот текст являет собой попытку разобраться в сложившейся ситуации: "Чтобы понять, в чем суть острого кризиса, наступившего в Европе, нужно было бы сказать следующее. С давних пор в Европе есть две настоящие силы: 'Революция и Россия' [...] Жизнь одной есть смерть другой."¹⁶

В контексте этих интенсивных размышлений Тютчева на политические темы европейского масштаба перевод Жуковским *Одиссеи* приобретает совершенно особый статус. Политический смысл перевода *Одиссеи* как своего рода явленного в слове эталона естественного консерватизма в эпоху общественных катаклизмов, был обозначен уже Н. В. Гоголем:

Именно в нынешнее время, когда таинственною волей провидения стал слышаться повсюду болезненный ропот неудовлетворения, голос неудовольствия человеческого на все, что ни есть на свете: на порядок вещей, на время, на самого себя. [...] в это именно время *Одиссея* поразит величавою патриархальностию древнего быта, простой несложностью общественных пружин, свежестью жизни, непритупленной, младенческою ясностью человека. В *Одиссее* услышит сильный упрек себе наш девятнадцатый век, и упрекам не будет конца, по мере того как станет он поболее всматриваться в нее и вчитываться.

Свидетельство Гоголя тем более ценно, что Гоголь, как мы уже знаем из приведенной выше цитаты, был особенно близок Жуковскому во время работы последнего над воссозданием на русском языке поэмы Гомера. Видимо, таким же образом воспринимал работу над *Одиссеей* и Тютчев, наряду с Гоголем и Хомяковым посещавший Жуковского в Германии. Илья Винницкий постулирует, что "перевод живым классиком, 'духовным отцом русских поэтов' и убежденным консерватором Жуковским

'идеальной' *Одиссеи* был культурным и политическим заказом времени. *Одиссея* Жуковского ожидалась сочувственниками поэта как воплощение политической и поэтической патриархальности, величественного спокойствия и нерушимого баланса между личными стремлениями человека и высшей волею, свободой и необходимостью, романтизмом и классицизмом, поэзией и прозой."¹⁸ Один из таких "сочувственников" был, по всей видимости, и убежденный консерватор Тютчев.

Особенно острым аргументом в противостоянии консерватизма и революционности перевод *Одиссеи* становится ко времени своего окончания, когда по Европе прокатывается волна резких насильственных преобразований, когда кажется, что "Запад умирает, все обваливается, все рушится в глобальном пожаре"¹⁹ ("L'Occident s'en va, tout croule, tout s'abime dans une conflagration generale"). "Появление 'успокоительно-изящной' (выражение Погодина) *Одиссеи* в кровавый 1849 год" воспринимается современниками "как символическое веление судьбы".²⁰

Примерно тогда же, когда Жуковский заканчивает и публикует *Одиссею*, Тютчев принимается за перевод 'Das Siegesfest', а с учетом всех приведенных выше косвенных свидетельств довольно трудно утверждать, что эти два события совершенно независимы друг от друга. Если суммировать, то в пользу высказанного предположения есть следующие доводы:

1. Возможный сдвиг нижней хронологической границы написания 'Поминок', делающий во временном отношении весьма вероятным максимальное приближение момента создания этого стихотворения вплотную к моменту окончания и публикации *Одиссеи* Жуковского (1849);

2. Сюжетные, тематические, образные переклички *Одиссеи* и 'Das Siegesfest';

3. Факт перевода Жуковским 'Das Siegesfest' двадцатью годами ранее;

4. Биографические свидетельства о знакомстве Тютчева с переводом Жуковского еще в процессе работы;

5. Восприятие современниками перевода *Одиссеи* как эстетического противоядия против волны революционных настроений, прокатившихся по Европе при известной "погруженности" Тютчева в осмысление актуальных европейских событий 1848-1849 гг.

Мы утверждаем, что стихотворение 'Поминки' Тютчева явилось, помимо прочего, откликом на ранний перевод Жуковского 'Торжество победителей' и на перевод *Одиссеи* Жуковским, а через него на современные волнения в Европе.

Разумеется, было бы неправильным связывать возвращение Тютчева к поэтическому творчеству только с выходом *Одиссеи*. По всей видимости, это был сложный процесс, отзывавшийся на множество

психологических потребностей, но одним из факторов вполне мог быть и переводческий труд Жуковского.

Возможно также, что 'Поминки' - это своего рода поэтическое состязание с Жуковским, в ходе которого Тютчев формулирует свою творческую идентичность, тем более контрастно выделяющуюся на фоне одного и того же текста-источника и общности политических взглядов, сыгравших роль своего рода идейного субстрата при создании переводов. Та же ситуация наблюдается в эпизоде с упоминавшимся выше исправлением Тютчевым двух строк 'Русского великана' Жуковского и "дописыванием" собственного стихотворения "по мотивам" 'Море и утес'. Несмотря на сходность идеологических констант, нашедших воплощение в обоих текстах, Тютчев остается не вполне удовлетворен поэтической техникой Жуковского, а Жуковский возмущен внесенными исправлениями.

Это не слишком удивительно. При всех не раз отмечавшихся сходствах поэтических систем Тютчева и Жуковского,²¹ были замечены также и попытки Тютчева покинуть "стилистическую зону" Жуковского. Так, перерабатывая перевод стихотворения 'Одиночество' Ламартина, Тютчев "двигается не столько в сторону большей стилистической и грамматической точности, сколько в сторону избавления от слишком явных следов поэтической системы Жуковского".²²

Также и перевод 'Das Siegesfest', по всей видимости, был выполнен Тютчевым не только в знак идейной солидарности с переводчиком *Одиссеи*, но и как попытка корректировки стилистического курса относительно манеры Жуковского, попытка подчеркнуть самостоятельность плана поэтического выражения. Надо сказать, что сама потребность в создании нового текста вряд ли могла бы возникнуть в "ситуации покоя", то есть, полной удовлетворенности Тютчевым переводческой практики Жуковского. Наоборот, поле напряжения, обуславливающее творческий порыв, появилось за счет разницы поэтических потенциалов.

Можно сделать предположение, почему Тютчев обращается именно к переводу Шиллера и почему именно Шиллер становится для Тютчева в 1850-е годы самым "переводимым" автором. На наш взгляд, такой выбор объекта перевода мог быть своеобразным "поэтическим демаршем", связанным с ситуацией, вызванной страхом государственных деятелей перед все теми же революционными событиями 1848-1849 годов. "Во второй половине 1840-х годов, в связи с революционным движением в Европе, ужесточается российская театральная цензура. Наложено запрещение на все постановки 'Разбойников'. С 1848 года Шиллера вообще снимают с репертуара."²³ Эти запреты были упразднены только в эпоху реформ Александра II. Назначенный 1 февраля 1848 года старшим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных

дел,²⁴ Тютчев, разумеется, был в курсе предпринимаемых ограничительных шагов. Нет сомнений, что подобная политика могла вызвать у него только раздражение, так как даже в качестве цензора в отношении литературы консервативный Тютчев позволял себе весьма либеральные взгляды. В 'Письме о цензуре в России' он пишет:

Прямодушие и благосклонная натура правящего Императора осознали, насколько нужно послабление необычайной суровости прошлого и возвращение умам воздуха, в котором они нуждались... Итак, говорю это с полной убежденностью, тот, кто с тех пор в целом наблюдал за работой духа, как она себя проявила в литературном движении страны, не может не поздравить себя со счастливыми последствиями этой перемены. [...] С того времени, как ей <литературе> была дана свобода слова, она постоянно стремилась по возможности лучше и наиболее верно выразить саму мысль страны.

Вероятнее всего, интенции Тютчева как переводчика сводились к демонстрации "безобидности" Шиллера для русского читателя и акцентуации внимания не на мнимом "революционном" содержании его творчества, а на трактовке общечеловеческих тем.

Таким образом, перевод 'Das Siegesfest' - это недостающее звено в цепи, связывающей перевод В. А. Жуковским *Одиссеи*, возбуждение интереса Тютчева к античной эпохе, воплотившейся в серии написанных приблизительно в одно время "античных" стихотворений и вне-литературный исторический контекст, обусловивший появление этих стихотворений и трактовку в них античной темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ю. М. Лотман, 'Русская философская лирика. Творчество Тютчева (неавторизованный конспект лекций)', *Тютчевский сборник*, Тарту, 1999, с. 272.

Р. Ю. Данилевский, 'Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта', *Русская литература*, 2005, № 4, сс. 9-10.

Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева, кн. 2, 1844-1860, Москва, 2003, с. 119.

В. М. Живов, *Язык и культура в России XVIII в.*, Москва, 1996, с. 438.

К. В. Пигарев, 'Примечания', в: Ф. И. Тютчев, *Лирика в 2 т.*, т. 2, Москва, 1966, с. 281.

'Комментарии', Ф. И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в б т.*, т. 2, Москва, 2003; *Стихотворения, 1850-1873*, сс. 367-368.

Здесь и далее перевод В. А. Жуковского.

Цит. по: А. Н. Веселовский, В. А. Жуковский, *Поэзия чувства и "сердечного воображения"*, Санкт-Петербург, 1904, с. 439.

9 Веселовский, указ. соч., с. 442.

10 Там же, с. 439.

11 Ф. И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в б т.*, т. 4, 2004, с. 428. Оригинал по-французски:

J'ai passe de bien moments avec Joukoffsky a Ems d'abord ou nous avons passe six jours ensemble a lire son Odyssee et a parler de toute chose au monde, du matin au soir... Ce sera vraiment une grande et belle ceuvre que son Odyssee et je lui ai du d'avoir retrouver en moi la faculte assoupie depuis bien longtemps, celle de m'associer pleinement et franchement a une jouissance purement litteraire. Aussi a-t-il paru tres satisfait de la sympathie que son ceuvre m'a fait eprouver - et il avait raison, car c'etait sympathie sans phrases.

Здесь и далее перевод наш.

12 В. В. Кожин, *Пророк в своем отечестве Федор Тютчев*, Москва, 2002, с. 306.

13 Там же, с. 306.

14 *Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева*, кн. 2, 1844-1860, сс. 80-81.

15 Ф. З. Канунова, "'К русскому великану" Жуковского и "Море и утес" Тютчева (об общественной и историко-культурной концепции поэтов)', *Время и текст. Историко-литературный сборник*, Санкт-Петербург, 2002, сс. 220-228.

16 Ф. И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в б т.*, т. 3, 2003, с. 42. Оригинал по-французски: "Pour comprendre de quoi il s'agit dans la crise supreme ou l'Europe vient d'entrer, voici ce qu'il faudrait se dire. Depuis longtemps il n'y a plus en Europe que deux puissances reelles: 'la Revolution et la Russie'. [...] La vie de l'une est la mort de l'autre."

17 Н. В. Еоголь, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 7, Москва, 1984, с. 209.

И. Винницкий, 'Теодиссея Жуковского: гомеровский эпос и революция 1848-1849 годов', *Новое литературное обозрение*, № 60, 2003, с. 172.

19 Ф. И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в б т.*, т. 5.

20 Винницкий, указ. соч., с. 179.

21 См., например, Р. Л. Лейбов, 'Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты', *Тютчевский сборник*, II, Тарту, 1999, сс. 31-47.

22 О. Проскурин, 'Две модели литературной эволюции: Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацуро', *Новое литературное обозрение*, 2000, № 42, с. 76.

23 Данилевский, указ. соч., с. 11.

Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева, кн. 2, 1844-1860, с. 71.
Ф. И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в 6 т.*, т. 3, с. 97.
Оригинал по-французски:

Le sens droit et la nature bienveillante de l'Empereur regnant ont compris qu'il y avait lieu a se relacher de la rigueur excessive du systeme precedent et a rendre aux intelligences Fair qui leur manquait... Eh bien (je le dis avec une entiere conviction), pour qui a suivi depuis lors dans son ensemble le travail des esprits, tel qu'il s'est produit dans le mouvement litteraire du pays, il est impossible de ne pas se feliciter des heureux effets de ce changement de systeme [...] du jour ou la liberie de la parole lui <litterature> a ete rendue dans une certaine mesure elle s'est constamment appliquee a exprimer de son mieux et le plus fidelement possible la pensee meme du pays.